

Дай Шэнъянь, этот старик, похоже, питал особую слабость к Павильону Ванцин, раз даже учебные занятия проводил там. Последние несколько дней снега не было, и в павильоне расставили несколько жаровен с углем, так что Се Цзинлань, укутанный словно пушистый шар, перестал бояться пронизывающего озерного холода.

В разгар зимы пруд Туманных Волн выглядел особенно бескрайним и завораживающим: небо и вода почти сливались в единое белесое полотно, посреди которого вырисовывались лишь далекие горы, похожие на мазок густой тушью. Казалось, будто все они сидят внутри ожившей пейзажной живописи.

Сяхоу Лянь же приходил сюда исключительно ради вида. Каждый раз на занятиях он делал вид, что усердно учится, ставя перед собой книгу, однако за ней прятал сборник народных сказов. Появлялся интерес — слушал немного о гуманности, долге, ритуале, мудрости и искренности; пропадал интерес — либо спал, либо читал свои книжки.

Дай Шэнъянь, видя такое отсутствие рвения к знаниям, не раз сетовал, что железо не превращается в сталь, но поначалу лишь слегка пожурив его, в конце концов махнул рукой.

Се Цзинлань же слушал с предельным вниманием и полной отдачей. Всего за несколько дней его учебники покрылись густыми рядами пометок, от одного вида которых у Сяхоу Ляня начинала кружиться голова и немела кожа на затылке.

Занятия Дай Шэнъяня были весьма любопытны: он читал лекции только по утрам, а после обеда позволял Се Цзинланю самостоятельно заниматься, сам же усаживался рыбачить на смотровой площадке первого этажа. Если у Се Цзинланя возникали вопросы, он мог подойти и спросить наставника. Во время ответов Се Цзинлань всегда стоял рядом, почтительно склонив голову, и часто один только разбор вопроса занимал у них добрых полчаса. Сяхоу Лянь, изнывая от скуки, мечтал лишь о том, как бы скорее закончить уроки и отправиться домой ловить воробьев.

Дай Шэнъянь, глядя на него, лишь качал головой:

— В учении главное — размышление. Где есть размышление, там возникают вопросы, а где есть вопросы — должны быть ответы. Сяо Лянь, неужели у тебя нет ничего, о чем ты хотел бы спросить?

Се Цзинлань отозвался:

— Он даже книг не открывает, о чем его спрашивать? Разве что ему интересно, какой способ ловли птиц самый верный.

Сяхоу Лянь усмехнулся:

— Молодой господин знает меня лучше всех.

Дай Шэнъянь беспомощно вздохнул:

— Дитя, ну прояви же хоть немного усердия.

Сяхоу Лянь, тоже почувствовав неловкость, произнес:

— Ладно, учитель, вы сами просили меня задать вопрос.

— О? Ну говори, я слушаю.

Се Цзинлань тоже покосился на него. Сяхоу Лянь высунул язык и спросил:

— Смею спросить, учитель, является ли Конфуций самым ученым из всех конфуцианцев?

— Разумеется, — ответил Дай Шэнъянь.

— Тогда нужно ли ему было в свое время зазубривать Мэн-цзы, стихи династии Тан и писать восьмичастные сочинения?

Дай Шэнъянь рассмеялся:

— Когда жил Мэн-цзы, Конфуций уже сто лет как скончался, как же он мог учить Мэн-цзы? О стихах династии Тан и восьмичастных сочинениях и говорить нечего. Сяо Лянь, твой вопрос, право, слишком легкомысленный.

Сяхоу Лянь протяжно произнес О-о-о и добавил:

— Если даже самый ученый Конфуций не нуждался в изучении этой ерунды, почему мы должны это учить?

Дай Шэнъянь лишился дара речи и только махнул рукой:

— Довольно, довольно, делай как знаешь.

С того дня Сяхоу Лянь обрел свободу — ему достаточно было сдавать по несколько стихотворений в день. Но и это было сущей мукой. Сяхоу Лянь чесал голову, ломал мозги, то и дело поглядывая в работы Се Цзинланя, а затем, кое-как высасывая из пальца жалкие строки, пытался выдать хоть что-то связное. Эти дни тянулись так невыносимо, что Сяхоу Ляню казалось, будто он скоро поседеет от такой жизни.

Впрочем, уроки Дай Шэнъяня не были совсем уж скучными. Во время перерывов он часто рассказывал забавные случаи из своих странствий или истории о призраках, которые вычитал в книгах.

И хотя Дай Шэнъянь выглядел как сухощавый, благопристойный и типичный ученый старик, вкусы у него были довольно специфические: из десяти его историй девять были о призраках, причем порой весьма жутких: о ликах на руках, о призрачных руках, тянущихся из-под кровати, или о смеющихся цветах в горах.

Се Цзинлань считал, что Дай Шэнъянь тратит время впустую, и лучше бы он больше говорил о смыслах Мэн-цзы. Но вмешиваться было неловко, и он планировал просто позволить старику рассказывать, продолжая в это время свои занятия. Однако, не успел он оглянуться, как его внимание оказалось приковано к словам наставника, и он сам не заметил, как прослушал множество мрачных и пугающих историй.

Сяхоу Лянь от природы был бесстрашным, и эти байки о призраках для него были лишь легкой закуской — он слышал истории и пострашнее, и покровожаднее. Но Се Цзинлань слушал подобное впервые. У него мурашки бегали по спине и волосы вставали дыбом, но он никак не мог заставить себя закрыть уши, и даже когда сердце уходило в пятки, продолжал сосредоточенно слушать. По ночам же он ворочался без сна, невольно поднимаясь, чтобы проверить, не выросло ли у него на руке человеческое лицо.

За окном начал накрапывать дождь, сопровождаемый порывами тоскливого ветра, и капли застучали по черепице. Се Цзинлань никак не мог уснуть, поэтому, босой и волоча за собой одеяло, он отправился в соседнюю комнату к Сяхоу Ляню, но обнаружил лишь пустое постельное белье.

Куда этот мальчишка подевался посреди ночи?

Неужели его утащила женщина-призрак?..

Сяхоу Лянь, конечно, не был похищен призраком. В этот момент он пробирался под карнизами и, сделав несколько прыжков, проскользнул в окно кабинета Се Бинфэна.

Кабинет Се Бинфэна был намного просторнее, чем у Се Цзинтао, и буквально ломился от книг, от которых рябило в глазах. Сяхоу Лянь направился прямо к рабочему столу, открыл ящики один за другим и вытащил стопку писем. Они лежали в незапертом ящике, и, судя по всему, не содержали ничего секретного. Обладая феноменальной памятью, Сяхоу Лянь запечатлел в уме все имена из писем, заодно бросив взгляд на содержание.

Досуг Се Бинфэна был довольно скучным: в письмах обсуждались либо музыка, шахматы, каллиграфия и живопись, либо государственные дела: засуха в Чжэцзяне, наводнение на Хуанхэ, набеги татар. Среди них также попадались гневные строки с критикой евнушеской клики.

Внезапно снаружи слышались беспорядочные шаги. Сяхоу Лянь в ужасе замер, поспешно убрал письма обратно в ящик, закрыл его и юркнул в шкаф.

Дверь отворилась, внутрь вошли двое, врезавшись в стол, сопровождая это шумным дыханием и

страстью.

Кто это такой смелый, что решил заняться любовью прямо в кабинете Се Бинфэна?

— Ах ты, негодник, закрой скорее дверь, — раздался в промежутках между стонами жеманный женский голос.

— Хорошо, хорошо, сейчас закрою, — ответил мужской голос.

Сяхоу Лянь боялся даже дышать, сжавшись в шкафу.

Эта парочка была в самом разгаре, стол сотрясаясь от толчков, женские стоны становились всё громче, перемежаясь с тяжелым мужским дыханием.

Сяхоу Лянь не был таким уж невинным юношей: он тайком просматривал картинки, припрятанные его матушкой, и хотя сам никогда не пробовал этого на деле, прекрасно понимал, что происходит между мужчиной и женщиной, отчего его лицо залилось краской.

Он слегка приоткрыл дверцу шкафа и увидел два тела, сплетенных на столе в тесном объятии. Женщина закрыла глаза, ее выражение лица было странной смесью боли и наслаждения. Мужчина стоял спиной к Сяхоу Ляню, и каждый его толчок заставлял стол содрогаться.

Женщина провела рукой по спине мужчины, скользя вверх вдоль позвоночника, и вдруг эта рука, казавшаяся мягкой и безвольной, вцепилась в позвонок и с силой дернула и сжала его. Раздался резкий хруст ломающейся кости, последовал приглушенный стон, и мужчина, обмякнув словно мешок с тряпьем, повалился на пол.

Его глаза остекленели — он был мертв.

Это был первый раз, когда Сяхоу Лянь видел по-настоящему мертвого человека. Оказалось, смерть выглядит столь чудовищно — не как несколько аккуратных иероглифов в книгах, и не как простой взмах клинка, о котором рассказывала матушка. Труп еще излучал тепло, а глаза, покрытые красными жилками, были широко распахнуты. Глядя на это серое лицо, Сяхоу Лянь почувствовал, как рука, которой он держался за дверцу шкафа, леденеет.

Он прижал ладонь ко рту, в страхе закрыл шкаф и стал ждать, пока женщина уйдет.

Вдруг тот же жеманный голос снова произнес:

— Маленький воришка в шкафу, выходи.

Его обнаружили!

Сердце Сяхоу Ляня колотилось, он колебался, выходить или нет.

Внезапно тонкий, как крыло цикады, клинок вонзился в щель дверцы шкафа, всего в дюйме от носа Сяхоу Ляня. Глядя на этот сверкающий, как вода, лезвие, Сяхоу Лянь едва не лишился чувств от страха.

— Если я ударю еще раз, то будет кровь.

Сяхоу Лянь, прикрыв глаза одной рукой, смирился с судьбой и вылез из шкафа:

— Сестрица, пощади! Я ничего не видел и ничего не знаю!

— О? И кто же это у нас такой смелый, что пробрался в кабинет хозяина глубокой ночью? Оказывается, это мальчишка из семьи Сяхоу.

Сяхоу Лянь опустил руку и увидел перед собой красивую женщину, которая смотрела на него с усмешкой. Она была одета как служанка Поместья Се, и после недавней "битвы" не успела привести себя в порядок: платье сползло, обнажив плечи и грудь.

Женщина сунула руку под мышку, потянула, и две белые округлости, которые казались настоящими, оказались оторваны. Затем, подняв руку, она сорвала маску из человеческой кожи, явив свое истинное, утонченное лицо. Он размял шею, потянул руки, и под хруст костей сразу вырос на несколько дюймов.

К крайнему изумлению Сяхоу Ляня, женщина превратилась в мужчину.

— Ты... ты брат Цю!

Цю Е из Цзиньнаро, один из Восьми Лордов Цзялань. Сяхоу Лянь часто видел его в горах, у него был добрый нрав, и он обычно был первым, с кем они с матушкой ходили обедать.

Сяхоу Лянь внезапно вспомнил, что тот самый клинок в руке был Цюшуй, верным оружием Цю Е.

Кто бы мог подумать, что их первая встреча внизу, у подножия горы, окажется такой... слов нет.

Сяхоу Лянь долго не мог вымолвить ни слова.

— Ты, кажется, еще не знаешь о моих навыках? — Цю Е лучезарно улыбнулся Сяхоу Ляню. — Это мое наследственное искусство изменения внешности и сжатия костей.

— Слышать слышал, но никогда не видел. И правда, лучше один раз увидеть... — у Сяхоу Ляня отвисла челюсть.

Цю Е любезно помог Сяхоу Ляню закрыть рот и с улыбкой произнес:

— Какая же у нас с тобой судьба, раз встретились в таком месте. Моя Цюшуй чуть было не прирезала тебя.

Сяхоу Лянь промолчал, подумав про себя: такой судьбы лучше не иметь.

Цю Е продолжил:

— Сяо Лянь, я вижу, у тебя необычные кости, редкий талант. Вот что: если твоя матушка случайно задержится в Западном Крае, приходи ко мне, стань моим учеником. Будешь учиться у меня, и потом сможешь соблазнять женщин, если захочешь, или мужчин — если пожелаешь. Как тебе такое?

Ничего хорошего. Ни то ни се, учиться у него он не хотел. Сяхоу Лянь замотал головой.

Цю Е разочарованно пощелкал Сяхоу Ляня по лбу:

— Эх ты, малявка, не понимаешь всей прелести сжатия костей. Другие хотели бы научиться, да я не учу.

— Мне достаточно искусства владения мечом, — Сяхоу Лянь полностью переосмыслил образ мягкого старшего брата Цю Е. Теперь даже говорить с ним было неловко. — Я сам смогу одолеть всех своим клинком и буду непревзойденным в Поднебесной, не стоит вам беспокоиться. К тому же, моя матушка обязательно благополучно вернется.

— Даже приличного клинка нет, а уже непревзойденный?

— Будет в будущем, — буркнул Сяхоу Лянь. — Брат Цю, а вы почему здесь? Кто-то заказал этого человека? Он мне кажется знакомым, кажется, это управляющий Поместья Се.

— Забыл правила Цзялань? Каждый делает свое дело, не мешая другим. Ступай-ка лучше спать, будет время — приду поиграть.

— ...Ох.

Сяхоу Лянь ушел, поминутно оглядываясь. На самом деле он очень хотел спросить Цю Е, как тот обманул управляющего, заставив его поверить, что он — женщина?

Разве строение мужчины и женщины... не различается? Неужели все эротические картины — сплошной обман?

В конце концов, Сяхоу Лянь так и не решился спросить.

Цю Е, проводив его взглядом, достал из-за пазухи другую маску, нацепил на лицо, содрал одежду с покойника и натянул на себя. Уходя, он не забыл стереть следы Сяхоу Ляня на подоконнике и, приведя комнату в порядок, закрыл дверь и унес тело на спине.

Если бы кто-то случайно оказался рядом, он бы наверняка лишился чувств от ужаса, ведь тот, кто нес тело, и тот, кого несли, были как две капли воды похожи друг на друга.

Сяхоу Лянь в полубессознательном состоянии вернулся во Двор Осеннего Тунгового Древа. Как только он открыл дверь, то увидел Се Цзинланя, который, укутавшись в одеяло, сидел у края его постели и клевал носом.

Сердце Сяхоу Ляня едва не выпрыгнуло из груди. Как долго этот парень здесь сидит?

Се Цзинлань потер глаза, поднял голову и сонно спросил:

— Где ты был? Почему так поздно?

— В туалет ходил.

Се Цзинлань с подозрением посмотрел на него:

— У тебя что, запор? Так долго?

— Кажется, немного есть... — Сяхоу Лянь соврал, чувствуя вину, и подтолкнул его: — Чего ты тут сидишь? Я спать хочу.

Се Цзинлань постоял немного и замялся:

— Тот... снаружи холодно, может, пойдем в мою комнату спать?

— Где холодно? Две жаровни стоят, — Сяхоу Лянь, глядя на смущение Се Цзинланя, внезапно всё понял. — Ты что, боишься один спать?

— Отвали! Это ты боишься! Я всегда сплю один.

Но ведь старик Дай, не имеющий стыда, рассказал столько историй о призраках...

У Сяхоу Ляня уже был ответ на это, но, желая сохранить лицо Се Цзинланя, он промолчал, послушно схватил свою подушку и одеяло, и подтолкнул его вглубь комнаты.

— Пошли, пошли, снаружи и правда немного похолодало.

С присутствием Сяхоу Ляня Се Цзинлань сразу почувствовал спокойствие. Дождь стих, в темноте воцарилась тишина, он слышал ровное дыхание Сяхоу Ляня и шорохи, когда тот переворачивался.

— Молодой господин, вы спите? — тихо спросил Сяхоу Лянь.

— Еще нет.

— Можно спросить вас об одном деле?

— Говори.

— Если чиновника уличат в создании фракции для личных целей, какое наказание ему грозит?

— Где есть люди, там есть и фракции. Ученые мужи вечно спорят: одни группируются по наставникам, другие — по областям. Фракции Ню, Ли, Чжэ, Хуэй — их повсюду полно. Дело может быть как малым, так и большим, зависит от того, с кем ты в союзе и какие цели преследуешь.

— Э-э... — Сяхоу Лянь долго размышлял, пытаясь подобрать слова.

Какая еще фракция? Он, конечно, не мог назвать имена Се Бинфэна и его сомнительных друзей.

Какие личные цели? У них, кажется, не было личных интересов, только чаепития, обсуждение картин и ругань в адрес евнухов.

Как же это сказать? Сяхоу Лянь впервые подумал, что учеба всё-таки немного полезна — хотя бы для того, чтобы уверенно вешать лапшу на уши.

— Приведете пример?

Се Цзинлань задумался:

— Знаешь ли ты о "катастрофе партий" при Хань?.. Впрочем, откуда тебе знать. Великий маршал Доу У объединился с учеными, ведя войска во дворец, чтобы истребить клику евнуха Цао Цзе, но был схвачен самим Цао Цзе. Ли Ин и другие ученые подали прошение, но Цао Цзе оклеветал их в заговоре. Ли Ин, Ду Ми, Фань Пан и многие другие великие мужи того времени были казнены, а вместе с ними — еще семьсот человек.

Матушка моя, какой ужас.

Сяхоу Лянь вспомнил содержание писем: там не было ни слова о ведении войск во дворец, так что всё должно быть не так серьезно.

— А если они просто вместе пили чай, обсуждали живопись, ругали евнухов и вызывали девушек спеть песенку?

— Это называется "собрание литераторов". Даже если захотят придрататься, максимум скажут, что чиновникам неподобающе развратничать, и лишат жалованья. Но... евнухи всегда были узколобыми. В худшем случае могут приклеить ярлык лени или халатности.

Сяхоу Лянь с облегчением вздохнул. Значит, Се Бинфэну ничего не грозит, можно не волноваться.

Се Цзинлань же спросил:

— С чего это ты вдруг об этом спрашиваешь?

— Да просто так, любопытствую. Вдруг, если я когда-нибудь стану чиновником, мне тоже придется искать фракцию для поддержки? — соврал Сяхоу Лянь.

— Пф, забудь об этом, ты даже экзамен на звание сюцая не сдашь. Хотя у тебя конечности сильные, может, и выбьешься в стражники.

Сяхоу Лянь не ответил. В комнате внезапно воцарилась тишина, луна вышла из-за облаков, и ее свет пролился в комнату.

— Эй, господин, а в будущем вы не перейдете на сторону евнухов? — Сяхоу Лянь повернулся на бок и посмотрел на Се Цзинланя.

Се Цзинлань замер и ответил:

— Учитель говорил: "Мир суров, ценно хранить добро в сердце". Я, конечно, не стану собакой евнухов. В крайнем случае, когда евнухи придут к власти и начнут смуту, я уеду на службу в провинцию, чтобы обеспечить там покой, а когда смута стихнет, вернусь ко двору и буду укреплять порядок.

— А если вы окажетесь в безвыходном положении?

— Жизнь и смерть предопределены судьбой. Я не решаю, когда жить, а когда умирать, но, по крайней мере, я могу сам выбрать путь, по которому пойду.

Он хотел сказать еще что-то, но, повернув голову, заметил, что Сяхоу Лянь молчит — слышно было лишь его ровное дыхание.

Заснул.

Се Цзинлань перевернулся на бок, глядя на безмятежное лицо спящего Сяхоу Ляня. Лунный свет пробивался сквозь бумагу окна, озаряя его фарфоровую кожу, словно покрывая её потоком света. Он долго смотрел на него, прежде чем закрыть глаза и погрузиться в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/26257/3145236>